

Детство художника: Чижииков в Крестово-Городище

Виктор Чижииков и Медвежонок Миша – талисман XXII Олимпийских игр (Москва, 1980). Фото из книги В.А. Чижиикова

С Виктором Александровичем Чижииковым, известным иллюстратором детских книг и автором знаменитого символа Московской Олимпиады 1980 года – Мишки, ульяновцы получили возможность познакомиться на открытии V Международного культурного форума 6 сентября 2015 года, когда он приехал в наш город на открытие своей персональной выставки, приуроченной к его 80-летию. Автор нашего журнала профессор УлГПУ Евгений Анатольевич Бурдин не пропустил возможности лично познакомиться с художником, благодаря которому миллионы детей и их родителей в нашей стране отчётливо знают, как выглядит доктор Айболит, Винни Пух, Страшила, Элли, Тотошка, дядя Фёдор и ещё десятки героев любимых детских книг. Е.А. Бурдин, получив автограф от В.А. Чижиикова, подарил ему диск с материалами по истории села Крестово-Городище. Дело в том, что Виктор Александрович, коренной москвич, выросший на Арбате, почти три года (с августа 1941-го – по апрель 1944-го) жил в этом заволжском селе во время эвакуации...

Фрагмент обложки книги мемуаров В.А. Чижиикова

О том времени у него остались самые добрые и тёплые воспоминания. В разговоре с Евгением Анатольевичем Виктор Александрович отметил, что у жителей Крестово-Городища была яркая, окаяющая речь – ну прямо заслушаешься (теперь в селе акают, то есть говорят на московский манер)! Да и частушек он вспомнил немало.

Была даже частушка, посвящённая проводам на войну местных мужиков, которые проходили на расположенной рядом пристани:

*Пароходик «Власть советов»,
Поскорей отчаливай,
Пассажиры без билетов,
Сердце не расстраивай!*

Сельчане в условиях отсутствия радио и тем более телевидения сверяли

время с двумя пароходами, прибывавшими на местную пристань, – «Власть советов» («Большой») и «Джон Рид»

Фото УОИБ

В.А. Чижииков в Ульяновске. Сентябрь 2015 года

(«Маленький»), причём более точным являлся второй. Вот такой был способ ориентировки!

Много воспоминаний В.А. Чижиикова о лошадах, которых в Крестово-Городище содержали большое количество, но во время войны почти всех отправили на фронт. По его словам, в селе в большом дефиците были швейные иглы и галоши. Обычно сельские ребята ходили в школу, особенно в слякоть, на ходулях, сохраняя чистоту ног.

Книга мемуаров В.А. Чижиикова «Мои истории о художниках книги и о себе», вышедшая в прошлом году в Москве, прекрасно иллюстрированное 296-страничное издание, уже сейчас становится библиографической редкостью. Однако В.А. Чижииков дал согласие на публикацию его рассказов, касающихся Ульяновской области, в журнале «Мономах».

На барже

В эвакуацию мы, я и мама, ехали до самого Ульяновска. Вернее, не ехали, а, конечно, плыли на барже, которую тянул буксир. Баржа отправлялась из Химок по каналу Москва – Волга. Это от работы отца (он и мать проектировали что-то для Морфлота).

На барже стояли четыре палатки – на четыре семьи каждая.

Семья Добряков (это фамилия такая – Добряк, украинская) была с нами в палатке. Мы так привыкли жить вместе, подружились, пока ехали целый месяц! Ну да, где-то месяц нас тянул буксир не спеша: пока шлюз пройдёшь, в очереди постоишь...

Но как-то научились жить весело. Мы носились по барже как угорелые, играли в прятки, в салочки. А за порядком смотрел дядя Мичман – так мы его звали.

А в палатках иногда устраивали чтения стихов. У Димки Добряка была сестра Натка. Если нам было по пять-шесть лет, то ей было четыре года. И она не выговаривала букву «л», вместо неё она «р» говорила. И вот она читала стихи:

*Дунька жара, Дунька жара,
Рученьку порезара,
Пратком берым повязара,
В разарет поехара!*

И сама она очень уморительная! Толстая – ну, они все были толстые, Добряки, значит. Особенно мать толстая была.

Однажды была воздушная тревога, самолёты налетели, бомбить начали караваны, которые шли в ту или другую сторону. И Мичман скомандовал – у него рупор был, – чтобы все матери легли на своих детей. И вот когда мать Добряков легла на своих орлов, они забились в истерике: «Мама, не надо! Лучше бомба! Мама, встань!».

И тут между нами и буксиром упала бомба. Мы шли на приличном расстоянии от буксира, а он тащил две баржи. И когда бомба взорвалась, то трос оборвался. И буксир наш ушёл... Наверное, решил, что всё равно защитит нас не сможет, так хоть сохранит себя...

Но уцелели обе баржи. Их прибило к берегу, а там были ракиты, поэтому сверху баржи были незаметны. Тут случай нас спас.

Потом буксир вернулся за нами.

Мы прибыли в город Горький, сейчас Нижний Новгород. Там мы пересели на пароход, который назывался «Власть

Село Крестово-Городище.
1952

Фото из фондов УКМ

советов», и нас повезли в Крестово-Городище – это такое большое село, куда нас вместе с Добряками распределили.

Кого-то дальше везли под Ульяновск, на завод имени Володарского, там был такой посёлок. Вот. А позже я прочитал, что именно в то время на заводе Володарского работал Сахаров – наш великий учёный, отец бомбы атомной.

В ульяновском интернате

У нас с мамой были знакомые на этом заводе Володарского. И поэтому если мы шли пешком в Ульяновск, мы сначала заходили в посёлок при заводе.

Там ленинградцы жили одни, и мы у них ночевали, а наутро шли в Ульяновск. От Крестово-Городища до Ульяновска двадцать пять километров – это если зимой, по Волге замёрзшей, а по берегу, летом, и того больше.

Бывало так, что кого-то из детей брали на месяц в Ульяновск. В специальный Дом отдыха, что ли, для детей, где их укрепляли витаминами, жирами там разными и ещё чем-то.

И вот мать говорит однажды, что завтра мы отправляемся в Ульяновск, встать надо пораньше, так как все военные обозы идут по Волге – дело-то было зимой – с утра.

С собой мы взяли ещё Димку Добряка. И в тот раз мы благополучно доехали до самого Ульяновска.

Чтобы лошадям не было тяжело, мы ехали на двух санях. Впереди нас – сани с сеном и с Димкой Добряком. Целая гора сена, перехваченная толстой такой верёвкой, чтобы сено не падало. А Димку солдат усадил на самый верх сена. Ехать на сене просто замечательно – и мягко, и теплее.

А мы с мамой ехали на зерне; причём оно такое морозное зерно, твёрдое.

И вот мы едем, и наш солдат говорит тут маме:

– Ваш сосед, который впереди нас, он сползает с сена, смотрите!

А тот в тепле да на мягком-то уснул, и у него руки отпустили верёвку, которой было схвачено сено. Сползал он всё ниже и ниже... И потом как шмяк вниз – со всей этой высоты и в сугроб. Но это на Добряка не произвело никакого впечатления! Он как спал на сене, так и в сугробе продолжал спать! Тогда было решено, что впереди поеду я. И со мной такая же история произошла – я тоже не замедлил уснуть и свалился.

И вот так мы доехали до этого интерната, который находился недалеко от домика Ленина. Дом Ленина был виден из окошек нашего интерната. Потом нас водили туда на экскурсию. Когда мы приехали, мама все документы сдала, и нас всех повели мыться. И там меня постигла беда.

Там было так сделано: раскалённая печь. И когда я наклонился за упавшим мылом, то задом прикоснулся к этой вот раскалённой печке. У меня образовались два волдыря мгновенно! Когда я потом показал всё врачу, он, естественно, ожоги чем-то помазал, перевязал и меня в изолятор отправил.

Я, значит, лежу в изоляторе, а этот Димка Добряк бегаёт себе на лыжах по дворику, напротив моего окошка. Иногда смотрит на меня, показывает пальцем и хохочет. А я лежу несчастный, с обожжённым задом...

Но в интернате действительно кормили замечательно! Там я попробовал пшеничную кашу. Это очень вкусная каша! Тёмная; она хоть из пшеницы, но почему-то не белая, как положено всему пшеничному, а коричневатая.

Вкуснющая! Её давали с ложкой подсолнечного масла. Там, в каше, от масла получается такое углубленище – и в нём масло...

А вечером, когда мы ели эту кашу, нам читали книжку. Потом пили чай.

Воспитательница читала нам интересную книгу. Про какую-то загадочную страну, где слуг хоронили вместе с господами. Если господин умирал, то и слуг туда же... А главный герой

как раз был слугой одного такого. И вот волновались все ужасно: похоронят их вместе, не похоронят... Да. Это было так интересно и так по-человечески здорово! И каша вкусная, и вообще...

Но позже выяснилось, что наши матери – и мать Добряка, и моя мать – обманули ту организацию, которая выдавала эти путёвки. Они сказали, что мы уже учимся в первом классе. А мы ещё не учились. И вот мы попали сюда как ученики.

Я, когда лежал с обожжённым задом, думал: «Как хорошо, что я сейчас в изоляторе!». Так как понимал, что как только поправлюсь, меня тут же заставят учиться. А я читал отвратительно плохо. А в математике вообще ничего не понимал.

Когда я вышел из изолятора, то пошёл к завучу с признанием:

– Я вас обманул. Я пока ещё не учусь.

Она говорит:

– Ну а что ты умеешь делать?

Я говорю:

– Могу рисовать!

– А ещё что?

– А больше ничего. Я вот только могу рисовать.

– Ну хорошо! Вот нарисуй нам стенгазету. Скоро праздники, нарисуй нам какую-нибудь сцену, как мы гоним немцев, как наши танки, там, наступают на немецкие позиции. Ты можешь это нарисовать?

– Могу!

Мне дали здоровенный такой лист, как стол.

А я-то привык к гораздо меньшим размерам! Ну, в общем, я там напрягся и нарисовал, значит, всякое. Написал «Да здравствует День Красной армии!», танки наши нарисовал, которые храбро в атаку идут... Выстрелов побольше, взрывов, и как немецкие танки по грязным канавам разбитые валяются.

И завучу очень понравилась моя работа. Вечером, когда все ели кашу, она сказала:

– Вот Чижиков, хоть ещё не учится, а рисует очень прилично. Смотрите!

Мне казалось ужасным то, что я нарисовал. Но так я нашёл своё место в жизни интерната. Если надо было что-то нарисовать – меня звали, а я с удовольствием сидел, рисовал. Это я любил...

Бег от волков

Мой срок пребывания в интернате закончился. Нужно было возвращаться в Крестово-Городище.

Из такого осетра можно было сварить уху на всё село. 1940-е–начало 1950-х.

Мы с мамой шли в обратный путь. Сначала дошли до завода имени Володарского.

Она говорит:

– Вот сейчас надо решить, идти сразу до самого дома или у знакомых переночевать и пойти с утра.

А я не любил у них останавливаться, потому что там был один старик неприятный... Он жевал, отчаянно чавкая, и еда мне поперёк горла обычно вставала... Я на него с ужасом смотрел.

– Нет, знаешь, мам, давай сейчас пойдём.

Ну мы и пошли.

А пошли мы, захватив с собой суфле в бидоне. Суфле – это замечательное такое соевое молоко, густое, сладкое, его все дети любили во время войны. Его выдавали в Ульяновске в детских учреждениях. Бидончик с этим суфле мы везли на санках.

И вот темнеть начало. Уже недалеко до деревни оставалось, как вдруг мать говорит:

– Витька, бежим скорей в деревню, потому что сзади я слышу волчий вой!

И правда! Жутковатый такой вой сзади слышно. Если обернуться, ты их не видишь, там темно. Но вой приближался явно. А волки же не непрерывно воют, в перерыве они сколько то пробегают.

Мать говорит:

– Скорее закапывай своё суфле!

Я санками пробил наст, в ямку суфле поставил, сверху санки полозьями вверх и снегом быстро забросал. И мы

побежали что есть мочи, а вой этот ещё ближе. Деревня уже совсем близко, надо бежать, а сил нет, язык на боку. Мать меня тащит за собой, сил у самой нет уже, а вой совсем неподалёку.

Забежали в первый двор:

– Пустите переночевать!

– Нет-нет, не пущу! У нас негде спать!

Мы в следующий двор – и там не пускают, хотя мы и говорим, что за нами волки гонятся. Там люди суровые. Много было дезертиров, поэтому боялись. А вой этот уже рядом.

Мы в следующий дом – и там нам повезло. Мама знала, что в этом доме живёт одна женщина с детьми, которой она вышивала косынку. Мама в эвакуацию захватила с собой пяльцы, нитки мулине разноцветные и вышивала, подрабатывала, давали прилично. За косынку, которая завязывается сзади, а мама спереди, на лбу, вышивала всякие цветы с лепесточками, – десяток яиц могли дать.

И когда нас спросили: «Кто это там?», мать и говорит:

– Да это Поля, которая вам вышивала косынку!

– А! Поля! Ну конечно! Сейчас, сейчас!..

Открыла дверь, а вместе с нами их собака бежала, которая, услышав волчий вой, видим, тоже не знала, куда деваться от страха. Мы с собакой влетели в избу, заперлись – и к окошкам. Уже темно совсем было, но видно, как волки по двору бегают и с одного сугроба

запрыгивают на крышу сарая, там, где корова. Пробовали крышу, значит, разрыть, но не получилось.

Волки быстро весь двор прочесали и понеслись дальше по деревне.

Легли спать. А утром проснулись, и мать сказала, что надо бы суфле забрать. Волков уже не было, конечно. Они очень хитрые, знают, что когда рассветёт, с людьми лучше дело не иметь. Идти уже было не страшно.

Мы, значит, подошли и увидели, что волки пробовали выкопать бидон, но потом бросили это дело. Так что суфле осталось в целости, только замёрзло, как камень, и гремело.

Но с тех пор я стал ужасно волноваться, когда мать уходила в татарские деревни менять какие-то вещи на продукты. Нам отец привёз как-то свои инструменты: свёрла, молотки разные, плоскогубцы, клещи... Специально привёз, чтобы мы на продукты меняли. Его направили в школу командиров и дали несколько дней, чтобы он съездил к семье. Ещё он привёз леску, и из неё наш хозяин, дядя Иван, дратву делал. Подшивал валенки и так далее...

Бабка Аганья

Бабка Аганья – мать нашего хозяина в Крестовом-Городище, дяди Ивана.

Дядя Иван почему-то спал всегда сидя за столом. Сам сидел на стуле, а голову клал на стол.

А бабка Аганья спала на печи. Она там даже не спала, пожалуй, а жила. Потому что слезала с неё только при крайней нужде.

Зимой, кроме дяди Ивана, его жены тётки Васёны, бабки Аганьи и нас с мамой, в избе жил ещё телёнок – для него был отгорожен угол напротив печки, – и несколько ягнят спали под лавками.

Утро начиналось с того, что дядя Иван приносил охапку сена, чтобы печь растапливать. Он клал в печь сначала сено, а потом уже сверху дрова. И как только сено с треском загоралось, тут же из-под лавки выскакивали ягнята и начинали носиться по дому. А то сено, которое ещё лежало на полу, они в клочья разносили вокруг. Я тут же выскакивал из кровати и начинал носиться вместе с ягнятами, скакать и прыгать. Веселье поднималось!

И тогда бабка Аганья говорила мне с печки:

– Витька! Жопу-то прижми!

Это она говорила, чтобы я сел и сидел спокойно. В общем, утром у нас всегда было весело, прямо шурум-бурум какой-то. Бабка Аганья со своей

печки следила за порядком. Чтобы никто не бросал ничего где попало, чтобы за собой убирали, чтобы я слишком не шалил. От неё я часто слышал:

– Витька! Чему телёнка-то учишь?!

Это я учил телёнка бодаться. Лбом своим я упирался в лоб телёнка, и мы с ним бодались. И уж не знаю почему, но они действительно вырастали жутко бодучими.

Всю жизнь бабка Аганья проработала в поле и теперь очень скучала. Часто вспоминала, как все вместе в поле работали, как снопы вязали, как мужики косили, а бабы граблями сгребали и в скирды складывали, как всегда при этом пели песни... Весело было!

Однажды в конце лета бабка Аганья попросила дядю Ивана отвезти её в поле. Она сказала:

– Отвези, Ванюша! Хочу попрощаться с полем.

Дядя Иван отвез её. А когда они вернулись, я спросил бабку Аганью:

– Ну как съездила?

– Вражищу видела. Чёрный, размером с котёнка. К себе звал. Помру я скоро.

«Вражища» – это она так чёрта называла.

Я говорю:

– А зачем его слушать? Не надо его слушать!

– Раз позвал, значит, скоро помру...

Вскоре бабка Аганья умерла.

Из соседнего села позвали двух женщин, которые прочитали над бабкой Аганьей какие положено молитвы. Дядя Иван сделал гроб.

На похороны много народу пришло.

Потом были поминки. Тётя Васёна сварила еды какой-то. И каждый, кто мимо проходил, мог зайти и поесть. Детей много заходило.

А мне ещё долго странно было не слышать с печки кряхтенье бабки Аганьи и её голоса: «Витька! Жопу-то прижми!».

Лошадиная жизнь в Крестовом-Городище

Наш хозяин дядя Иван был конюхом. Я об этом уже говорил, кажется. И всё время мы с ребятами проводили на конюшне.

Там сена было жуткое количество. Мы на нём валялись, прыгали, прятались – удовольствия, радости столько, что просто... Дядя Иван, правда, нас оттуда гонял. Сено потому что мять было нельзя. Оно лежало не навалом, а такими пластами. Так оно лучше проветривалось и не портилось.

В этой конюшне соседские куры пристроились нестись – яйца откладывать. Мы разведали это место и иногда выпивали по яйцу.

Ещё мы помогали дяде Ивану прогуливать «берёжих» лошадей – лошадей, которые скоро должны были родить жеребят. Дядя Иван разрешал нам ездить на них только шагом и долго провожал нас взглядом, пока мы ехали по улице. Мы знали, что если кто-то ослушается, то дядя Ваня лошадь ему больше не даст. Поэтому наша такая кавалькада – человек десять верхом на лошадях с огромными животами – дисциплинированно ехала до поворота, строго соблюдая наказ. Мама говорила, что мы жутко смешно выглядели. Из-за лошадиных животов ноги у нас были растопырены широко-широко.

Как только мы сворачивали на боковую улицу, то на ходу срывали тоненькую веточку с дерева и легонько подстёгивали лошадей. Чтобы они шли, но быстрым шагом. Лошади были худые, хребты у них острые, поэтому ехать было довольно больно – ехали-то мы без сёдел...

А ещё иногда дядя Иван поручал ехать верхом в лечебницу, она была километрах в двух.

Там лошадь заводили в маленькую такую комнату, в одной стене у неё была дыра. Голову лошади просовывали в дыру эту, так что сама лошадь была в комнате, а голова на улице.

Потом комнату заполняли каким-то газом, и клещи, которые были под кожей у лошади, начинали вылезать. Жуткое совершенно зрелище!

Минут через двадцать–тридцать они вылезали все, тогда лошадь выводили и жёсткой щёткой счищали клещей.

Как-то зимой к дяде Ивану приходит Мичурин – однорукий председатель колхоза – и говорит:

– Скоро к нам приедет Герой Советского Союза*. Он из этих мест. Ему дали неделю отпуска. Мы должны ему обеспечить условия для отдыха. Дашь ему хорошего жеребца, чтобы он с гармошкой мог проехать...

Дядя Иван говорит:

– Не дам!

Мичурин на это отвечает ему:

– Мне принесли телеграммой распоряжение, придётся дать!

У дяди Ивана было два хороших жеребца: Глобус и Абсурд. И вот решили выделить под это дело Глобуса.

Когда Герой Советского Союза приехал, ему запрягли в сани Глобуса, герой прыгнул в сани и помчался вдоль берега Волги.

Дядя Иван говорит:

– Ох, разобьётся!..

Мичурин его успокоил:

– Чего боишься! Нас немцы не разбили!

Часа через два возвращается Глобус с пустыми санями, одной ногой запутался в вожжах. Ну, думают, что-то стряслось с Героем Советского Союза. Перепугались.

Потом оказалось, что тот, когда куда-то приехал, плохо привязал жеребца.

Как я тонул

Председателем колхоза в Крестовом-Городище был такой Мичурин, однорукий – он с фронта пришёл без одной руки.

А ещё был дядя Лёва, который пришёл с фронта без двух рук. И вот этот дядя Лёва меня спас, когда я тонул в Волге.

Руки у него были по локоть. И дядя Лёва на почте работал. Он примотал кисточки к культям и написал такую хорошую вывеску: «Почта».

Это просто поразительно! Он вообще был культурный человек по сравнению с другими, собирал детей вечерами, и каждый приносил свою книгу, а дядя Лёва по очереди читал их детям, но иногда просил и самих детей читать. Читали и «Волшебника изумрудного города».

Это моя книжка была.

И вот дядя Лёва меня спас...

Я, конечно, учился плавать. Зашёл неглубоко в реку и плавал, опустив голову в воду, бултыхался до изнеможения, выложился весь, а когда хотел встать, отдохнуть, то оказывается, я потерял ориентировку и заплыл на более глубокое место.

Я, как поплавок, стал ходить вверх-вниз. Оттолкнувшись от дна, высунуться из воды, крикну чего-нибудь и опять вниз. А на берегу никого не было!

И вдруг я чувствую, что меня кто-то подхватил, вытолкнул туда, где мелко уже, недалеко совсем. Я смотрю – это дядя Лёва.

Я понял, какая опасная штука вода. Но ещё раз чуть не утонул в пожарном чане.

Посреди улицы шли через определённый интервал такие бетонные чаши. Огромные. Чтобы если приезжают пожар тушить, не нужно было далеко бежать.

Там была протухшая вода такая, какие-то «плавунцы» там жили. И калитка там плавала. Я на неё встал, чтобы поплавать как на плоту. А калитка

выскочила из-под меня и уплыла на другую сторону чана. А там было глубоко, и до края чана никак не дотянуться...

И вот пустынная улица, куры только ходят. В пыли роются. И я верещу, а все на работе. Обидно так тонуть – напротив изба наша, но никто не слышит.

Потому что тётя Васёна, хозяйка наша, на огороде, мама – на работе...

На моё счастье шла какая-то женщина. Она подошла, помогла – с трудом меня вытащила.

А потом ещё в Подмоскowie тонул...

В общем, я всего четыре раз тонул. И уже умея плавать.

Старый населённый пункт Крестово-Городище Чердаклинского района в период переселения перед затоплением в 1956 году

Мой первый трудовой день

В первый класс я пошёл, когда мы были ещё в Крестовом-Городище, в эвакуации.

Тогда в первый класс брали с восьми лет. Школа находилась прямо на нашей улице. Мы жили на улице Сталина, дом 79, а школа была чуть дальше, около паровой мельницы.

Перед началом учебного года нас всех собрали: первоклассников и тех, кто старше, – объявили, что первую неделю сентября мы будем работать на полях, бороться с сусликами, которых развелось слишком уж много и которые уничтожают урожай.

Наш хозяин дядя Иван был конюхом, поэтому мне выпало возить на лошади с Волги воду. На эту работу поставили ещё Гришку Барляева. Мы вдвоём должны были возить воду. Ну не мы, конечно, а лошадь.

Дядя Иван выделил для этого Пягушу – мощную бело-коричневую, в белых пятнах пегую лошадь.

В первый же день дядя Иван запрят её в телегу. В телеге была укреплена

бочка, в ней была здоровенная специальная дырка, через которую мы наливали воду.

Нам дали ведро и черпак на длинной ручке, в который вмещалось тоже, наверное, целое ведро воды. Так что мы набирали только по полчерпака.

От поля до Волги было километра полтора–два.

Мы подъезжали, заводили Пягушу по колено в воду и наполняли бочку. Потом вели её на поле. За день мы успевали сделать рейса три–четыре. На поле происходили не очень приятные вещи. Ребята помладше лили эту воду в норки сусликов, а ребята постарше стояли около норок со здоровенными палками и ждали.

Как только несчастный суслик, спасаясь от воды, выскакивал из норки, его били этими палками, пока он не переставал подавать признаки жизни.

Зрелище было жестокое.

Нам объяснили, что это, конечно, нехорошо – убивать сусликов, но они поедают много зерна.

А когда вокруг многие люди голодают, ничего другого не остаётся делать.

Так мы проработали дней пять–шесть.

И как-то у нашего дома остановилась телега, гружёная мешками. Дядька затаскивает один мешок к нам и говорит, что вот это мешок, в котором шестнадцать килограммов сушёного гороха, правление колхоза выделило на трудодни Виктору Чижикову за его работу по борьбе с сусликами.

Мама была очень рада. Мы потом долго ещё ели и гороховый суп, и кашу из гороха.

Дядя Иван тоже был очень доволен. Он увидел меня в деле, а это он больше всего ценил.

Гришке Барляеву тоже дали шестнадцать килограммов сухого гороха. А меня долго не оставляло ощущение, что это мешок гороха дали и для Пягуши.

Она ведь тоже работала. Иногда и сейчас мысль эта меня беспокоит...

* Вероятно, это был Вахрамеев Михаил Фёдорович (1923–1986), уроженец соседнего села Кайбелы, опытный кавалерист. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». – Е. Бурдин.

(Публикуется в сокращении).